

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра Гражданское право и процесс
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Гражданско-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему Взыскание в гражданском процессе компенсации за потерю времени: основания, порядок, проблемы правоприменения

Обучающийся

Н.Ю. Веденина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Ю.В. Смоляк

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью института компенсации за потерю времени в современном гражданском процессуальном праве России. В условиях возрастающей нагрузки на судебную систему и увеличения количества судебных споров особую важность приобретает защита прав добросовестных участников судопроизводства от недобросовестного поведения других лиц.

Необходимость теоретического осмысления данного института также обусловлена тем, что в современной процессуальной доктрине отсутствует единое понимание правовой природы компенсации за потерю времени, оснований её взыскания и порядка определения размера. Кроме того, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в реализации права на компенсацию за потерю времени, что требует выработки четких критериев для её взыскания.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе института компенсации за потерю времени в российском гражданском процессе, выявлении особенностей его применения и проблем правоприменительной практики.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации права на взыскание компенсации за потерю времени в гражданском судопроизводстве.

Предметом исследования являются нормы гражданского процессуального законодательства, регулирующие институт компенсации за потерю времени, а также правоприменительная практика по делам о взыскании такой компенсации.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, состоящие из восьми параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Основания взыскания компенсации за потерю времени в гражданском процессе	7
1.1 Понятие и правовая природа компенсации за потерю времени	7
1.2 Условия и основания для взыскания компенсации за потерю времени	15
1.3 Субъекты правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени	22
Глава 2 Процессуальный порядок взыскания компенсации за потерю времени	31
2.1 Форма и содержание заявления о взыскании компенсации за потерю времени	31
2.2 Особенности доказывания при рассмотрении требований о компенсации за потерю времени	35
2.3 Порядок определения размера и взыскания компенсации за потерю времени	39
Глава 3 Проблемы правоприменения и пути их решения	46
3.1 Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики взыскания компенсации за потерю времени	46
3.2 Пути совершенствования института компенсации за потерю времени в гражданском процессе	57
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена особой значимостью института компенсации за потерю времени в современном гражданском процессуальном праве России. В условиях возрастающей нагрузки на судебную систему и увеличения количества судебных споров особую важность приобретает защита прав добросовестных участников судопроизводства от недобросовестного поведения других лиц.

Современное развитие гражданского судопроизводства, усложнение процессуальных отношений и увеличение случаев злоупотребления процессуальными правами создают условия, при которых возрастает риск причинения убытков добросовестной стороне вследствие необоснованного затягивания судебного разбирательства. В этих условиях особую значимость приобретает эффективное функционирование правовых механизмов защиты участников процесса, одним из которых является институт компенсации за потерю времени.

Необходимость теоретического осмысления данного института также обусловлена тем, что в современной процессуальной доктрине отсутствует единое понимание правовой природы компенсации за потерю времени, оснований её взыскания и порядка определения размера. Кроме того, анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии существенных проблем в реализации права на компенсацию за потерю времени, что требует выработки четких критериев для её взыскания.

Институт компенсации за потерю времени, закрепленный в статье 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), является одним из важнейших правовых механизмов, направленных на обеспечение добросовестного поведения участников гражданского судопроизводства и защиту от злоупотребления процессуальными правами.

Цель исследования заключается в комплексном теоретико-правовом анализе института компенсации за потерю времени в российском гражданском

процессе, выявлении особенностей его применения и проблем правоприменительной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- исследовать понятие и правовую природу компенсации за потерю времени;
- проанализировать условия и основания для взыскания компенсации;
- определить круг субъектов правоотношений при взыскании компенсации;
- изучить процессуальный порядок рассмотрения требований о взыскании компенсации;
- выявить особенности доказывания при рассмотрении данной категории дел;
- исследовать проблемы правового регулирования и правоприменительной практики;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе реализации права на взыскание компенсации за потерю времени в гражданском судопроизводстве.

Предметом исследования являются нормы гражданского процессуального законодательства, регулирующие институт компенсации за потерю времени, а также правоприменительная практика по делам о взыскании такой компенсации.

Теоретическую основу исследования составляют труды ведущих российских ученых в области гражданского процессуального права, внесших значительный вклад в разработку проблем защиты от злоупотребления процессуальными правами и компенсации процессуальных издержек. Непосредственно в данной работе использованы научные труды таких ученых, как Н.А. Батурина, Ю.С. Борисенко, Н.А. Бортникова, Е.Ф. Евсеев,

Д.Е. Зайков, Е.С. Климович, Е.Г. Потапенко, И.Д. Симонов, М.В. Скопинова, Е.М. Хамизова, Д.А. Шанькин, Г.В. Шкобенева, Е.В. Яковенко и др.

Нормативно-правовую и эмпирическую основу исследования составляют Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, иные нормативно-правовые акты, материалы судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции.

Методологическую основу настоящего исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой). Использование указанных методов позволило всесторонне исследовать институт компенсации за потерю времени, выявить особенности его применения и сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, состоящие из восьми параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Основания взыскания компенсации за потерю времени в гражданском процессе

1.1 Понятие и правовая природа компенсации за потерю времени

В современном гражданском процессуальном праве особое значение приобретают институты, направленные на обеспечение добросовестного поведения участников судопроизводства и предотвращение злоупотребления процессуальными правами. Одним из таких институтов является компенсация за потерю времени, которая, несмотря на свою длительную историю существования в отечественном праве, до сих пор вызывает множество дискуссий относительно своей правовой природы и эффективности применения. В условиях возрастающей нагрузки на судебную систему и участвовавших случаях недобросовестного поведения участников процесса, исследование данного института приобретает особую актуальность.

Институт компенсации за потерю времени в гражданском процессуальном праве России представляет собой сложный и неоднозначный правовой механизм, направленный на противодействие процессуальным злоупотреблениям. Несмотря на длительную историю существования данного института в отечественном праве, его правовая природа, механизмы реализации и эффективность до сих пор вызывают оживленные дискуссии в научном сообществе.

Законодатель в статье 99 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации раскрывает институт компенсации за потерю времени как особую меру гражданско-правовой ответственности. Как следует из нормы закона: «Со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, суд может взыскать в пользу другой стороны компенсацию за фактическую потерю времени. Размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с

учетом конкретных обстоятельств» [5]. Таким образом, законодатель устанавливает два ключевых основания для взыскания такой компенсации: недобросовестное заявление неосновательного иска или спора и систематическое противодействие правильному и своевременному рассмотрению дела, при этом оставляя определение размера компенсации на усмотрение суда.

Раскрывая законодательное регулирование института компенсации за потерю времени, необходимо обратиться к научному осмыслению его правовой природы и проблем реализации. По мнению Е.В. Яковенко, компенсация за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве имеет неоднозначную правовую природу, что создает существенные проблемы в правоприменительной практике.

С точки зрения Е.В. Яковенко, в научной литературе сформировались два основных подхода к пониманию правовой природы данной компенсации. «Первый выражается в том, что данная компенсация рассматривается исключительно как разновидность судебных расходов. Второй - компенсация за потерю времени понимается как форма юридической ответственности за недобросовестное поведение участников гражданского судопроизводства» [22, с. 20].

Автор подчеркивает, что законодательная неопределенность становится причиной не только различных теоретико-правовых подходов, но и отсутствия единообразия судебной практики. «Суды, считающие компенсацию за фактическую потерю времени разновидностью судебных издержек, в решениях указывают, что сторона должна доказать, что в результате злоупотреблений противоположной стороны она теряет доходы, заработную плату или несет иные расходы» [22, с. 20].

Е.В. Яковенко отмечает, что в действующей редакции ст. 99 ГПК РФ компенсация является одновременно и формой юридической ответственности, и способом компенсации потерь пострадавшего лица. «Таким образом,

изначально законодатель попытался создать норму, имеющую смешанную правовую природу, заложив в нее одновременно несколько целей» [22, с. 20].

Существенным представляется вывод автора о том, что совмещение нескольких функций в одной норме приводит к ее неэффективности. «Совмещение в одной конструкции нескольких функций приводит к тому, что по факту норма ст. 99 ГПК РФ не способна в полной мере выполнить ни одну из них» [22, с. 20].

Е.В. Яковенко предлагает четко разделить судебные расходы и формы юридической ответственности, поскольку эти правовые категории имеют различные цели. Автор считает целесообразным исключить компенсацию за фактическую потерю времени из перечня судебных издержек.

Особенно важным представляется предложение автора о введении денежной компенсации сторонам и третьим лицам исходя из фактических затрат времени на участие в судебных заседаниях, которая будет возмещаться по общим правилам распределения судебных расходов.

В качестве дополнительной меры Е.В. Яковенко предлагает закрепить норму о наложении штрафа на недобросовестную сторону вместо существующей ст. 99 ГПК РФ.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией Е.В. Яковенко, предложенное разграничение судебных расходов и мер ответственности действительно способно повысить эффективность правового регулирования и обеспечить защиту прав добросовестных участников гражданского судопроизводства. Особенно ценным представляется предложение о презумпции временных потерь добросовестной стороны, что существенно упростит процедуру компенсации. Анализируя позицию Е.В. Яковенко, следует отметить глубину и системность проведенного исследования. Особенно ценным представляется выявление дуалистической природы института компенсации за потерю времени. Вместе с тем, автор не уделяет достаточного внимания вопросам практической реализации предлагаемых

изменений, в частности, механизму определения размера штрафа за недобросовестное поведение.

Продолжая исследование проблематики компенсации за потерю времени, интересным представляется обратиться к историческому аспекту развития данного института и его современному толкованию. По мнению Н.А. Бортниковой, компенсация за фактическую потерю времени представляет собой сложный правовой институт, природа которого до сих пор вызывает дискуссии в научном сообществе. Автор подчеркивает, что эта норма крайне редко применяется на практике.

С точки зрения Н.А. Бортниковой, исторически правовая природа компенсации за потерю времени претерпела значительные изменения. «В соответствии с примечанием 2 к ст. 46 ГПК РСФСР 1923 г. на недобросовестную сторону суд может возложить уплату в пользу другой стороны вознаграждения за фактическую потерю рабочего времени в соответствии со средним заработком» [3].

Существенным наблюдением автора является то, что компенсация в настоящее время уже не связана с потерей рабочего времени и возникшими в результате этого убытками. При этом Н.А. Бортникова отмечает: «Темной областью» для толкования остается понятие «фактическая потеря времени» [3].

Н.А. Бортникова подчеркивает, что буквальный и системный способы толкования позволяют сделать вывод о назначении компенсации физическому лицу, выигравшему дело, за потерю личного времени в результате недобросовестных действий оппонента. Особого внимания заслуживает позиция автора о том, что «время - это физическая и философская категория, потерю времени нельзя восполнить, можно лишь компенсировать либо восполнить то, что человек не приобрел, будучи лишенным возможности свободно распоряжаться своим временем» [3].

По мнению Н.А. Бортниковой, норма о компенсации за потерю времени является мерой ответственности за использование процессуальной формы не по назначению, за злоупотребление процессуальными правами.

Автор указывает на проблему распределения бремени доказывания по требованию о взыскании компенсации за фактическую потерю времени, которая остается открытой, и предлагает пересмотреть сложившиеся устои в связи с увеличением судебной нагрузки и распространением сутяжничества.

Н.А. Бортникова приходит к выводу, что современные реалии требуют более эффективных мер против безосновательных процессов и пересмотра существующих подходов к применению данного института.

По нашему мнению, соглашаясь с позицией Н.А. Бортниковой, действительно назрела необходимость реформирования института компенсации за фактическую потерю времени. Особенно ценным представляется предложение автора о необходимости пересмотра существующих подходов к толкованию данной нормы в свете современных реалий судопроизводства.

Рассматривая аргументацию Н.А. Бортниковой, необходимо подчеркнуть новаторский подход к пониманию категории «время» в контексте процессуального права. Предложенное автором философское осмысление времени как невозполнимого ресурса открывает новые перспективы для развития института компенсации. Однако представляется спорным тезис о возможности полного отказа от необходимости доказывания конкретных потерь, связанных с участием в судебном процессе.

Углубляя анализ института компенсации за потерю времени, важно рассмотреть его как механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям и оценить эффективность его применения в современных условиях. С точки зрения Д.Е. Зайкова, институт компенсации за фактическую потерю времени имеет длительную историю развития в российском процессуальном праве, начиная с ГПК РСФСР 1923 года. Автор подчеркивает,

что данный институт является основным механизмом противодействия процессуальным злоупотреблениям в гражданском судопроизводстве.

По мнению Д.Е. Зайкова, несмотря на значительный потенциал и возрастающую потребность в выполняемой функции, институт остается единственным универсальным механизмом противодействия процессуальным злоупотреблениям. При этом автор отмечает: «пробельное и фрагментарное правовое регулирование, неоднозначное толкование, разнонаправленно развивающаяся судебная практика превратили институт компенсации за фактическую потерю времени в редко применяемый и неэффективный правовой институт» [7, с. 59].

Существенным аспектом, на который обращает внимание Д.Е. Зайков, является проблема определения субъектного состава отношений по взысканию компенсации. Автор указывает на противоречие между буквальным толкованием ст. 99 ГПК РФ, ограничивающим субъектный состав сторонами, и отнесением компенсации к судебным издержкам, что позволяет включить в этот круг и третьих лиц.

Ученый подробно анализирует эволюцию правового регулирования института компенсации за потерю времени, отмечая, что: «первоначально установленное содержание института вознаграждения за фактическую потерю рабочего времени практически осталось неизменным и по прошествии без малого века» [7, с. 59].

Важным наблюдением Д.Е. Зайкова является то, что компенсация может быть взыскана не только в пользу гражданина, но и юридического лица или государственного органа, поскольку потеря времени определяется через потерю времени их представителями.

Особое внимание автор уделяет вопросу порядка взыскания компенсации, выделяя три возможных варианта: при рассмотрении гражданского дела, в рамках рассмотренного дела в отдельном судебном заседании, и в самостоятельном деле в порядке искового производства.

Д.Е. Зайков критически оценивает современное состояние института компенсации за потерю времени, подчеркивая: «фрагментарное и пробельное правовое регулирование, а также отсутствие в судебной практике единых подходов к его применению на протяжении длительного времени остается невостребованным и сложнореализуемым» [7, с. 59].

По мнению автора, для эффективного функционирования данного института необходимо устранение выявленных недостатков и полноценная правовая регламентация, что позволит создать действенный механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Оценивая научный вклад Д.Е. Зайкова, следует особо отметить проведенный им исторический анализ развития института компенсации за потерю времени. Предложенная автором периодизация и выявленные закономерности эволюции данного института позволяют лучше понять причины его современного состояния. Вместе с тем, выводы автора о необходимости полного реформирования института представляются излишне радикальными - возможно, более эффективным было бы постепенное совершенствование существующих механизмов. По нашему мнению, научная позиция Д.Е. Зайкова относительно института компенсации за фактическую потерю времени представляется глубоко обоснованной, методологически выверенной и заслуживающей поддержки научного сообщества. Автор, опираясь на обширный эмпирический материал и детальный анализ правоприменительной практики, убедительно доказывает необходимость кардинального совершенствования правового регулирования данного института. Особую научную ценность представляет предложенный исследователем комплексный подход к анализу проблематики, учитывающий не только историческую ретроспективу развития института компенсации за фактическую потерю времени в отечественном праве, но и современные реалии правоприменительной практики, включая противоречивые судебные решения и неоднозначные доктринальные толкования. Следует согласиться с выводом автора о том, что без устранения выявленных недостатков и создания

полноценной правовой регламентации невозможно сформировать эффективный механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям в гражданском судопроизводстве, что в конечном итоге негативно сказывается на реализации конституционного права граждан на судебную защиту.

Анализ научных позиций ведущих исследователей института компенсации за потерю времени в гражданском процессе позволяет сделать вывод о существенных проблемах в его правовом регулировании и практической реализации. Двойственная природа данного института, совмещающего функции судебных расходов и меры ответственности, неопределенность в вопросах субъектного состава, порядка взыскания и определения размера компенсации, а также отсутствие единообразной судебной практики существенно снижают его эффективность как инструмента противодействия процессуальным злоупотреблениям.

В связи с этим представляется необходимым комплексное реформирование данного института, включающее четкое определение его правовой природы, разграничение с судебными расходами, установление четких критериев определения размера компенсации и упрощение процедуры доказывания фактической потери времени. Такие изменения позволят превратить компенсацию за потерю времени в действенный механизм защиты прав добросовестных участников гражданского судопроизводства и эффективное средство противодействия процессуальным злоупотреблениям, что особенно актуально в условиях возрастающей судебной нагрузки и распространения сутяжничества.

В завершение следует отметить, что реформирование института компенсации за потерю времени требует взвешенного подхода, учитывающего как исторический опыт его применения, так и современные реалии судопроизводства. При этом особое внимание следует уделить разработке четких критериев определения размера компенсации и упрощению процедуры доказывания фактической потери времени, что позволит сделать

данный институт более эффективным инструментом противодействия процессуальным злоупотреблениям.

1.2 Условия и основания для взыскания компенсации за потерю времени

Институт компенсации за потерю времени в гражданском процессе является важным правовым механизмом, направленным на предотвращение злоупотребления процессуальными правами и обеспечение эффективного правосудия. Несмотря на длительное существование данного института в российском законодательстве, его практическое применение сопряжено с рядом трудностей, связанных как с определением оснований для взыскания компенсации, так и с установлением ее размера. В научной литературе представлены различные подходы к решению этих проблем, заслуживающие детального рассмотрения.

По мнению Ю.С. Борисенко, затягивание судебного процесса является одним из видов злоупотребления процессуальными правами и представляет собой действия или бездействие лица, которые не являются необходимыми для защиты материальных прав участников правоотношений и направлены на максимальную отсрочку принятия итогового судебного акта либо совершения определенного процессуального действия.

С точки зрения автора, объективная сторона поведения лица может проявляться в различных формах: нагромождение требований в одном процессе, манипулирование доказательствами, использование альтернативных способов разрешения спора без истинных намерений, умышленное бездействие, безосновательное обжалование актов и другие действия.

Ю.С. Борисенко подчеркивает, что для взыскания компенсации недостаточно просто совершения указанных действий. Принципиально важным является установление умысла на затягивание процесса и

систематичность таких действий. «Любое злоупотребление правом – это всегда не просто виновное, а именно умышленное поведение» [2, с. 95].

Автор акцентирует внимание на том, что необходимым является установление следующих условий: сторона достоверно знала о злоупотреблении правами и желала наступления последствий в виде затягивания процесса. В противном случае ставится под угрозу право на использование всех предоставленных процессуальным кодексом возможностей.

Относительно признака систематичности Ю.С. Борисенко предлагает законодательно закрепить, что «для взыскания компенсации достаточным видится установление неоднократности злоупотребления правом (т.е. два и более раза)» [2, с. 95].

С позиции автора, каждый недобросовестный поведенческий акт должен быть зафиксирован в протоколе судебного заседания по соответствующему заявлению стороны или иного лица, участвующего в деле. При этом не должно иметь значения, когда данное заявление прозвучало.

Ю.С. Борисенко отмечает, что цель, с которой действует недобросовестный участник, может быть разнообразной, но она не должна приниматься во внимание и входить в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию при установлении факта злоупотребления правом, хотя может учитываться при определении размера компенсации.

По мнению автора, «при определении размера компенсации суд должен учитывать следующие обстоятельства: продолжительность затягивания рассмотрения дела, характер действий (бездействия), которые привели к затягиванию, значение дела для стороны, в пользу которой состоялось решение, требования разумности и справедливости, количество злоупотреблений в процессе» [2, с. 95].

По нашему мнению, позиция Ю.С. Борисенко относительно условий и оснований взыскания компенсации за потерю времени представляется научно обоснованной, логически выстроенной и практически применимой. Особенно

важным и новаторским видится предложение автора о необходимости законодательного закрепления количественного критерия систематичности злоупотреблений процессуальными правами. Заслуживает поддержки и его позиция о необходимости обязательной фиксации каждого недобросовестного действия в протоколе судебного заседания, поскольку это создаст необходимую доказательственную базу и сделает процедуру взыскания компенсации более прозрачной. Также следует согласиться с мнением автора о том, что цель недобросовестного поведения не должна входить в предмет доказывания, но может учитываться при определении размера компенсации. Такой комплексный подход к совершенствованию института компенсации за потерю времени позволит превратить его из декларативной нормы в действенный механизм противодействия злоупотреблению процессуальными правами.

Развивая научную мысль о природе злоупотребления процессуальными правами, следует обратиться к позиции Е.М. Хамизовой, которая рассматривает компенсацию за потерю времени через призму процессуальных издержек и санкций. По мнению Е.М. Хамизовой, компенсация за фактическую потерю времени относится к числу издержек, связанных с рассмотрением дела, и представляет собой санкцию за злоупотребление сторонами процессуальными правами.

С точки зрения автора, гражданский процессуальный закон устанавливает обязанность добросовестной реализации собственных правомочий, однако в процессе может иметь место сутяжничество, когда «задача субъекта состоит не в получении защиты действительно нарушенного или оспоренного права, а в затягивании процесса» [19, с. 34].

Е.М. Хамизова подчеркивает, что компенсация взыскивается только в трех случаях: при предъявлении стороной заведомо неосновательного иска, заявлении заведомо неосновательного возражения против иска, а также при систематическом противодействии правильному и своевременному рассмотрению дела.

По мнению автора, ответственность по ст. 99 ГПК РФ относится к виду компенсационной, поскольку денежная сумма взыскивается не в доход государства, а в доход противоположной стороны, при этом необходимо наличие в материалах дела доказательств вины лица.

Особое внимание Е.М. Хамизова уделяет критериям определения размера компенсации, среди которых она выделяет время, затраченное на устранение последствий противодействия, систематичность нарушения, средства, потраченные добросовестной стороной, и степень вины лица.

Принципиальным моментом в позиции автора является предложение установить в качестве дополнительного критерия личность правонарушителя при определении размера компенсации.

Важным аспектом исследования является разграничение компенсации за фактическую потерю времени от компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, которые различаются по основаниям, субъектам и источникам взыскания.

С точки зрения Е.М. Хамизовой, компенсация за фактическую потерю времени носит превентивный характер и «направлена на предотвращение подачи необоснованных исков и намеренного затягивания судебного процесса» [19, с. 34].

По нашему мнению, научная позиция Е.М. Хамизовой относительно условий и оснований взыскания компенсации за потерю времени представляется теоретически обоснованной и имеющей важное практическое значение. Особенно ценным видится предложенная автором система критериев определения размера компенсации, включающая не только объективные показатели (время, затраты), но и субъективные характеристики (личность правонарушителя, степень вины). Заслуживает поддержки и акцент на превентивном характере данной меры ответственности, направленной на предотвращение процессуальных злоупотреблений. Вместе с тем, следует отметить, что в работе недостаточно разработаны процессуальные аспекты доказывания систематичности нарушений - не определено, какими

доказательствами может подтверждаться недобросовестность поведения стороны, не предложены конкретные методики расчета размера компенсации. Кроме того, требует дополнительного исследования вопрос о возможности взыскания компенсации с третьих лиц, участвующих в деле. Полагаем, что данные аспекты нуждаются в дальнейшей научной разработке для повышения эффективности применения института компенсации за фактическую потерю времени в гражданском процессе.

Если Е.М. Хамизова акцентирует внимание на компенсационном характере института возмещения потери времени, то Д.А. Шанькин углубляется в практические аспекты применения данной нормы, выявляя причины ее неэффективности. По мнению Д.А. Шанькина, норма о компенсации за фактическую потерю времени, существующая в законодательстве более 80 лет, фактически не работает из-за сложности применения, абстрактности формулировок и трудностей в процессе доказывания.

С точки зрения автора, существуют три основания применения данной нормы: недобросовестное заявление неосновательного иска, недобросовестное заявление неосновательных возражений, а также систематическое противодействие правильному и своевременному рассмотрению дела.

Д.А. Шанькин подчеркивает, что критерий неосновательности требований или возражений может быть установлен только после окончания процесса и вынесения решения суда. При этом право требовать компенсации появляется у стороны, чьи требования были удовлетворены судом.

По мнению автора, о недобросовестности можно говорить только в случае, если «сторона знает о необоснованности своих требований еще до получения оценки суда, либо цели, которые ею преследуются, отличны от задач правосудия» [20, с. 175].

Особое внимание Д.А. Шанькин уделяет признаку систематичности противодействия, отмечая, что «признак систематизма будет иметь место в

том случае, если участник гражданского судопроизводства три и более раза в ходе судопроизводства по одному гражданскому делу оказал противодействие суду» [20, с. 175].

С точки зрения автора, сложность в применении статьи вызывает порядок доказывания размера суммы компенсации. Д.А. Шанькин приводит и анализирует формулу расчета компенсации, предложенную В.С. Зайцевым, которая учитывает различные временные затраты стороны в ходе судебного разбирательства.

Автор выделяет основные причины неприменения нормы: нежелание судей рисковать отменой решения, перегруженность нормы оценочными категориями, сложными в доказывании, а также незначительные суммы возможной компенсации, которые не являются реальной санкцией за противоправное поведение.

Д.А. Шанькин предлагает комплексное решение проблемы путем совместных усилий законодателя (исключение оценочных понятий, установление кратности взыскания), суда (строгий контроль за исполнением процессуальных обязанностей) и сторон (активное заявление ходатайств о взыскании компенсации).

По нашему мнению, позиция Д.А. Шанькина заслуживает поддержки как с теоретической, так и с практической точки зрения. Автор не только выявил ключевые проблемы применения нормы о компенсации за фактическую потерю времени, но и предложил конкретные пути их решения. Особенно ценным представляется комплексный подход к совершенствованию механизма применения данной нормы, предполагающий взаимодействие всех участников процесса. Вместе с тем, представляется, что предложенная формула расчета компенсации требует дополнительной проработки в части учета косвенных потерь добросовестной стороны и установления минимального размера компенсации, который бы обеспечивал реальный превентивный эффект нормы.

Анализ научных позиций по вопросу условий и оснований взыскания компенсации за потерю времени позволяет выявить как общие точки соприкосновения, так и различия во взглядах исследователей. Все авторы единодушны в признании необходимости совершенствования данного института и его важной роли в противодействии злоупотреблению процессуальными правами. Ю.С. Борисенко делает акцент на необходимости установления четких критериев систематичности и умысла, Е.М. Хамизова разрабатывает систему критериев определения размера компенсации, а Д.А. Шанькин предлагает комплексное решение проблемы неэффективности нормы через взаимодействие всех участников процесса.

Критический анализ представленных научных позиций позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к совершенствованию института компенсации за потерю времени. При этом особое внимание следует уделить процессуальным аспектам применения данной нормы, в частности, вопросам доказывания недобросовестности поведения и определения размера компенсации. Представляется целесообразным законодательное закрепление презумпции недобросовестности в случае систематического совершения действий, объективно направленных на затягивание процесса. Такой подход позволит снизить бремя доказывания для добросовестной стороны и повысить эффективность применения данного института. Кроме того, требует детальной проработки методика расчета размера компенсации, которая должна учитывать не только прямые временные затраты, но и иные негативные последствия затягивания процесса для добросовестной стороны.

Консолидируя позиции авторов, можно выделить следующие ключевые условия эффективного применения института компенсации за потерю времени: необходимость законодательного закрепления количественных критериев систематичности злоупотреблений, важность установления четкой методики расчета размера компенсации, обязательность фиксации каждого факта недобросовестного поведения, учет как объективных, так и

субъективных факторов при определении размера компенсации. Представляется, что реализация данных предложений позволит превратить рассматриваемый институт из декларативной нормы в действенный механизм обеспечения процессуальной дисциплины и защиты прав добросовестных участников процесса.

1.3 Субъекты правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени

В современном гражданском процессуальном праве вопросы определения субъектного состава правоотношений приобретают особую значимость в контексте обеспечения эффективной судебной защиты прав и законных интересов участников судопроизводства. Это особенно актуально при рассмотрении института компенсации за потерю времени, где правильное определение круга субъектов и их процессуального статуса напрямую влияет на возможность реализации права на справедливое судебное разбирательство. Комплексное исследование данного вопроса требует глубокого анализа как теоретических концепций, так и практических аспектов взаимодействия участников процесса.

Вопрос о субъектном составе правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени является одним из ключевых аспектов эффективного функционирования данного процессуального института. Правильное определение круга субъектов, их правового статуса, процессуальных прав и обязанностей, а также механизмов их взаимодействия имеет принципиальное значение для обеспечения справедливого правосудия и предотвращения злоупотреблений процессуальными правами. В современной правовой доктрине существуют различные подходы к пониманию субъектного состава данных правоотношений, что требует детального анализа позиций ведущих исследователей по этому вопросу.

С точки зрения Д.Е. Зайкова, основными субъектами правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени являются стороны процесса - истец и ответчик, однако автор подчеркивает, что круг субъектов может быть шире. «В силу буквального толкования ст. 99 ГПК РФ таковыми являются исключительно стороны. Однако согласно ст. 94 ГПК РФ компенсация за потерю времени отнесена к издержкам, связанным с рассмотрением дела» [7, с. 60].

По мнению автора, третьи лица также должны входить в круг субъектов данных правоотношений, поскольку они обладают правом на возмещение судебных издержек. Д.Е. Зайков отмечает, что «специфика процессуального статуса третьих лиц обуславливает возникновение у них права на получение компенсации за потерю времени при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 99 ГПК РФ» [7, с. 60].

Исследователь обращает особое внимание на проблему наличия ограничений возможности взыскания компенсации в зависимости от статуса субъекта. Автор указывает на существование двух противоположных позиций в судебной практике: ограничительной (только в пользу гражданина) и расширительной (в пользу любого субъекта).

Д.Е. Зайков подчеркивает важный аспект взаимодействия субъектов - возможность взыскания компенсации в пользу проигравшей стороны. «Обоснованность и правомерность требований или возражений стороны не исключают наличия в ее действиях умысла на искусственное затягивание процесса и злоупотребления процессуальными правами» [7, с. 60].

Автор поднимает актуальный вопрос о субъектах, наделенных правом возбуждать процедуру рассмотрения вопроса о взыскании компенсации. По его мнению, целесообразно наделить суд правом инициирования данного вопроса при условии согласия заинтересованного лица.

Особое внимание Д.Е. Зайков уделяет порядку взаимодействия субъектов при взыскании компенсации. «Инициирование рассмотрения судом вопроса о взыскании компенсации за потерю времени может быть сделано как

в письменной, так и в устной форме путем занесения в протокол судебного заседания» [7, с. 60].

Исследователь отмечает, что в судебной практике сложились различные подходы к процедуре взыскания компенсации: при рассмотрении основного дела, в отдельном судебном заседании после вынесения решения, и даже в рамках самостоятельного искового производства, хотя последний вариант автор считает неверным.

Д.Е. Зайков подчеркивает необходимость совершенствования механизма взаимодействия субъектов, отмечая, что «устранение выявленных недостатков и полноценная правовая регламентация компенсации за потерю времени позволят сформировать необходимые условия для полноценной реализации в гражданском судопроизводстве права на судебную защиту» [7, с. 60].

По нашему мнению, позиция Д.Е. Зайкова заслуживает поддержки, особенно в части расширения круга субъектов правоотношений и наделения суда правом инициировать вопрос о взыскании компенсации. Действительно, современное состояние правового регулирования требует совершенствования для обеспечения эффективной защиты прав всех участников процесса. Особенно важным представляется предложение автора о необходимости единообразного подхода к определению субъектного состава и порядка взаимодействия участников процесса при взыскании компенсации за потерю времени.

Анализируя научную позицию Д.Е. Зайкова, следует отметить комплексность и системность предложенного подхода к определению субъектного состава правоотношений. Особенно ценным представляется обоснование необходимости включения третьих лиц в круг субъектов, имеющих право на компенсацию. Однако автор не уделяет достаточного внимания практическим механизмам реализации предлагаемых изменений, в частности, процедуре инициирования судом вопроса о взыскании компенсации.

Развивая дискуссию о субъектном составе правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени, следует обратить внимание на позицию Н.А. Батуриной, которая делает акцент на особой роли недобросовестной стороны как ключевого субъекта данных правоотношений. С точки зрения Н.А. Батуриной, ключевым субъектом правоотношений при взыскании компенсации за фактическую потерю времени выступает недобросовестная сторона процесса, которая может проявлять свою недобросовестность двумя способами: заявлением неосновательного иска или спора относительно иска, либо систематическим противодействием правильному и своевременному рассмотрению дела.

По мнению автора, особую роль в данных правоотношениях играет суд, который обязан установить факт недобросовестности стороны. При этом Н.А. Батурина отмечает проблему, связанную с тем, что «констатация злоупотребления правом, как правило, не влечет негативных последствий для нарушителя» [1, с. 12].

Анализируя позицию высшей судебной инстанции, автор подчеркивает, что бремя доказывания недобросовестности возлагается на сторону, требующую компенсацию. Как указывает Н.А. Батурина, «доказать недобросовестность крайне сложно, поскольку доказыванию подлежат не только совершение процессуальных действий (бездействие) стороны, но и ее вина» [1, с. 12].

Исследователь обращает внимание на то, что судьи зачастую избегают применения нормы о компенсации за потерю времени из-за опасений отмены судебных актов вышестоящей инстанцией. «Судьи из-за боязни отмены судебных актов судом вышестоящей инстанции заинтересованы только в правильном рассмотрении дела по существу» [1, с. 12].

Важным наблюдением автора является то, что если факт недобросовестности установлен судом в судебном акте, то он не нуждается в дополнительном доказывании пострадавшей стороной. В таких случаях, по

мнению Н.А. Батуриной, суд должен применять ст. 99 ГПК РФ и взыскивать компенсацию.

Анализируя судебную практику, автор отмечает, что третьи лица практически не упоминаются в контексте взыскания компенсации за потерю времени, поскольку норма ст. 99 ГПК РФ направлена на регулирование отношений между основными сторонами процесса - истцом и ответчиком.

Н.А. Батурина подчеркивает, что взаимодействие субъектов в процессе взыскания компенсации осложняется отсутствием четкого механизма определения размера компенсации и правил квалификации действий в качестве недобросовестных.

С позиции автора, для эффективного взаимодействия субъектов необходимо принятие разъяснений высшей судебной инстанции, включающих правоинтерпретационные положения по вопросам реализации данной нормы.

По нашему мнению, научная позиция Н.А. Батуриной заслуживает поддержки и дальнейшего развития. Автор убедительно демонстрирует системные проблемы во взаимодействии субъектов при взыскании компенсации за потерю времени, акцентируя внимание на отсутствии четких критериев определения недобросовестности и методики расчета размера компенсации. Представляется верным вывод исследователя о том, что неопределенность правового регулирования в этой сфере создает существенные препятствия для эффективной реализации данного процессуального института. Действительно, без формирования единообразной судебной практики и детальных разъяснений высшей судебной инстанции механизм взыскания компенсации за фактическую потерю времени рискует остаться декларативной нормой, не способной обеспечить защиту прав добросовестных участников гражданского судопроизводства.

Рассматривая позицию Н.А. Батуриной, необходимо подчеркнуть новаторский подход к анализу роли недобросовестной стороны как ключевого субъекта правоотношений. Предложенная автором концепция доказывания

недобросовестности заслуживает внимания, однако требует дополнительной проработки в части конкретных критериев оценки поведения участников процесса. Развивая мысль автора, можно предположить, что совершенствование правового регулирования в данной сфере должно идти по пути конкретизации оснований взыскания компенсации, установления четких критериев недобросовестного поведения и разработки методики определения размера компенсации с учетом всех фактических обстоятельств дела.

Если Н.А. Батурина концентрирует внимание на проблеме недобросовестности участников процесса, то И.Д. Симонов предлагает более широкий взгляд на правовое положение субъектов производства по делам о присуждении компенсации, анализируя как материально-правовые, так и процессуально-правовые аспекты их статуса. С точки зрения И.Д. Симонова, правовое положение субъектов производства по делам о присуждении компенсации неоднозначно из-за непоследовательности законодателя в отнесении таких дел к исковому производству. Автор отмечает, что правовой статус истца имеет комбинированный характер, складываясь из материально-правового и процессуально-правового компонентов.

По мнению исследователя, с материально-правовой точки зрения истцами могут быть как граждане РФ, так и иностранные граждане, лица без гражданства, различные организации. В процессуально-правовом аспекте И.Д. Симонов подчеркивает, что «истцами могут выступать бывшие (или действующие) стороны в гражданском или в арбитражном процессе, заявители, а также заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора третьи лица» [16, с. 162].

Особое внимание автор уделяет правовому статусу ответчика, отмечая его специфику: «особенностью правового положения ответчика является то, что фигура нарушителя права не совпадает с фигурой лица, ответственного за нарушение права» [16, с. 162].

И.Д. Симонов критически оценивает позицию о снижении активной роли ответчика в процессе. По его мнению, «процессуальный статус стороны

ответчика по делу определяется не его 'осведомленностью' и 'активностью' по делу, а реальным предположением о несении некой юридической обязанности конкретным субъектом права» [16, с. 162].

Исследователь подробно анализирует вопрос о привлечении к делу заинтересованных лиц, отмечая, что «круг 'других заинтересованных лиц' по делам о присуждении компенсации очень вариативен» [16, с. 162]. Автор считает необоснованным запрет на привлечение к делу лиц, которые участвовали в первоначальном процессе.

И.Д. Симонов обращает внимание на специфику определения круга участников процесса: «обязанность по определению круга заинтересованных лиц, в том числе органа, организации или должностного лица, на которые возложены обязанности по исполнению судебного постановления, лежит на судье при подготовке дела» [16, с. 162].

Важным аспектом исследования является анализ процессуальных прав и обязанностей участников процесса. Автор подчеркивает, что они не отличаются существенно от прав лиц в обычном исковом производстве, хотя имеют определенные ограничения, обусловленные спецификой дела.

И.Д. Симонов приходит к выводу о необходимости более четкого законодательного регулирования статуса участников процесса и устранения существующих противоречий в их правовом положении.

По нашему мнению, позиция И.Д. Симонова заслуживает поддержки, особенно в части критики необоснованных ограничений процессуального статуса участников производства по делам о присуждении компенсации. Действительно, формальные ограничения на участие в процессе заинтересованных лиц могут негативно влиять на эффективность судебной защиты и полноту исследования обстоятельств дела. Представляется верным вывод автора о необходимости совершенствования правового регулирования в данной сфере с целью обеспечения баланса интересов всех участников процесса. Научный подход И.Д. Симонова к анализу правового положения субъектов отличается глубиной теоретического осмысления и практической

направленностью. Особенно ценным представляется выделение материально-правового и процессуально-правового компонентов статуса участников процесса. Вместе с тем, предложенная автором концепция требует дополнительного обоснования в части механизмов взаимодействия между различными категориями участников процесса.

Анализ научных позиций ведущих исследователей позволяет сделать вывод о существовании различных подходов к определению субъектного состава правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени. Д.Е. Зайков отстаивает необходимость расширительного толкования круга субъектов, включая в него третьих лиц, и выступает за наделение суда правом инициировать вопрос о взыскании компенсации. Н.А. Батурина акцентирует внимание на проблеме доказывания недобросовестности участников процесса и необходимости формирования единообразной судебной практики. И.Д. Симонов предлагает комплексный анализ правового статуса субъектов, подчеркивая важность учета как материально-правового, так и процессуально-правового компонентов их положения.

Обобщая мнения авторов, можно констатировать, что все они указывают на необходимость совершенствования правового регулирования статуса субъектов при взыскании компенсации за потерю времени. Основными направлениями такого совершенствования должны стать: четкое определение круга субъектов правоотношений, установление единообразных критериев недобросовестности поведения, разработка методики определения размера компенсации, а также создание эффективного механизма процессуального взаимодействия всех участников производства. Только комплексный подход к решению этих проблем позволит обеспечить эффективную реализацию данного процессуального института на практике.

Представим выводы по первой главе исследования. В результате исследования установлено, что институт компенсации за потерю времени в гражданском процессуальном праве России имеет двойственную правовую природу, совмещая функции судебных расходов и меры ответственности.

Такая двойственность, наряду с неопределенностью законодательного регулирования и отсутствием единообразной судебной практики, существенно снижает эффективность данного института как инструмента противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Анализ условий и оснований взыскания компенсации за потерю времени показал необходимость законодательного закрепления четких критериев систематичности злоупотреблений, методики расчета размера компенсации и порядка фиксации недобросовестного поведения. Существующая правовая неопределенность в вопросах доказывания недобросовестности и установления размера компенсации приводит к редкому применению данной нормы на практике, несмотря на ее потенциальную значимость для обеспечения процессуальной дисциплины.

Исследование субъектного состава правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени выявило необходимость расширительного толкования круга субъектов с включением в него третьих лиц, а также целесообразность наделения суда правом инициировать вопрос о взыскании компенсации. Установлено, что эффективное функционирование данного института требует комплексного совершенствования правового регулирования статуса всех участников процесса, включая разработку четких критериев определения недобросовестности поведения и создание действенного механизма процессуального взаимодействия.

Глава 2 Процессуальный порядок взыскания компенсации за потерю времени

2.1 Форма и содержание заявления о взыскании компенсации за потерю времени

Заявление о взыскании компенсации за потерю времени является важным процессуальным актом, которое в свою очередь подразумевает строгое соблюдение формы и содержания, предусмотренных законодательством. Подобное заявление может быть подано как в гражданском, так и в административном процессе, и в нем должны быть изложены все необходимые факты и доказательства, которые могут подтвердить претензии истца на возмещение убытков в связи с потерей времени. Особую значимость приобретает точность формулировок и полнота предоставляемой информации, поскольку это напрямую влияет на эффективность судебной защиты прав заявителя.

При подаче заявления важно придерживаться требований, установленных Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Заявление должно быть подано в письменной форме в суд общей юрисдикции, в котором будет рассматриваться дело. В соответствии со статьей 131 ГПК РФ, заявление должно содержать не только общие реквизиты, но и специальные элементы, характерные для требования о компенсации за потерю времени. К таким элементам относятся: подробное описание обстоятельств, приведших к потере времени, указание на конкретные действия или бездействие ответчика, повлекшие временные потери, а также четкое обоснование причинно-следственной связи между действиями ответчика и понесенными временными затратами.

Особое внимание следует уделить структуре заявления, которая должна включать следующие обязательные разделы:

- вводную часть с указанием суда и сторон;

- описательную часть с изложением фактических обстоятельств;
- мотивировочную часть с правовым обоснованием требований;
- просительную часть с четко сформулированными требованиями.

Содержание заявления должно включать не только краткое изложение фактов, но и полное описание причин, по которым истец требует компенсацию за потерю времени. При этом важно соблюдать принцип разумности и обоснованности требований, поскольку суд будет оценивать не только сам факт потери времени, но и адекватность запрашиваемой компенсации с учетом конкретных обстоятельств дела. Практика показывает, что наиболее успешными являются заявления, в которых четко прослеживается связь между противоправным поведением ответчика и вынужденными временными затратами истца [17].

Существенным элементом заявления является указание на правовые основания требования компенсации. Помимо общих норм ГПК РФ, целесообразно ссылаться на конкретные положения материального права, подтверждающие право истца на компенсацию. Это могут быть нормы гражданского законодательства о возмещении убытков, положения специальных законов или подзаконных актов, регулирующих соответствующие правоотношения.

Документы, подтверждающие потерю времени, играют решающую роль в процессе. Важно не только приложить сами документы, но и составить их подробную опись, указав, какие именно обстоятельства подтверждает каждый документ. К числу таких доказательств могут относиться:

- документы, подтверждающие необходимость личного присутствия истца в определенном месте и в определенное время;
- доказательства фактических временных затрат (журналы регистрации, протоколы, акты);

- документы, подтверждающие причинение убытков в связи с потерей времени (справки о заработной плате, договоры, срыв которых произошел из-за потери времени).

По нашему мнению, при обосновании ущерба недостаточно ограничиваться лишь фиксацией факта потери времени — необходимо четко продемонстрировать причинно-следственную связь между этой потерей и конкретными материальными потерями истца

В судебной практике регулярно встречаются ситуации, когда технические недочеты в оформлении заявления становятся серьезным препятствием для рассмотрения дела по существу. Наш анализ показывает, что наиболее частыми причинами оставления заявлений без движения становятся: отсутствие обязательных реквизитов, неточности в изложении фактических обстоятельств и недостаточная конкретизация исковых требований. Следует учитывать, что даже при предоставлении времени на устранение недостатков, повторные ошибки могут привести к возврату документов, что существенно затягивает весь процесс.

На практике возникают сложности, связанные с применением процессуальных норм к данной категории дел. В частности, в административном судопроизводстве мы наблюдаем неоднозначное толкование требований статьи 255 КАС РФ судьями различных инстанций. Некоторые суды проявляют формалистический подход, оставляя заявления без движения даже при незначительных недочетах, в то время как другие демонстрируют более гибкую позицию, учитывая существо заявленных требований.

В судебной практике прослеживается тенденция к повышенным требованиям относительно доказательственной базы по данной категории споров. Суды зачастую скептически относятся к попыткам истцов установить прямую корреляцию между действиями ответчика и потерей времени. По нашим наблюдениям, успешное рассмотрение таких дел требует комплексного подхода к формированию доказательной базы, включающего не

только документальное подтверждение временных затрат, но и экономическое обоснование их стоимостной оценки.

Анализ практики показывает целесообразность комплексного подхода к формулированию исковых требований. Зачастую требования о компенсации потери времени логично сочетаются с взысканием основного долга, процентов за пользование чужими денежными средствами и судебных расходов. По нашему мнению, такая стратегия не только экономит процессуальные ресурсы, но и позволяет суду получить более полную картину спорных правоотношений.

Наши исследования судебной практики выявляют существенную региональную дифференциацию в подходах к рассмотрению данной категории дел. В отдельных юрисдикциях суды предъявляют чрезмерно жесткие требования к документированию временных затрат, требуя предоставления детализированных таблиц рабочего времени или специальных экспертных заключений. Такая практика, по нашему мнению, создает необоснованные барьеры для защиты нарушенных прав и не соответствует принципу разумности судебного разбирательства.

Практический опыт убеждает нас в том, что успех по данной категории дел определяется не только безупречным соблюдением процессуальных формальностей, но и глубоким пониманием правовой природы заявляемых требований. Поверхностный подход к подготовке документов, когда основное внимание уделяется лишь внешнему соответствию установленным требованиям, при отсутствии содержательного обоснования позиции истца, неизбежно приводит к неблагоприятным судебным решениям.

Таким образом, для успешного рассмотрения заявления нужно убедиться, что все доказательства собраны и должным образом оформлены, что все расчеты компенсации обоснованы, а содержание заявления соответствует процессуальным требованиям.

В заключение можно сказать, что заявление о взыскании компенсации за потерю времени требует тщательной подготовки и внимательного подхода

к процессу составления. Оно должно быть оформлено в соответствии с требованиями законодательства, содержать все необходимые доказательства и расчеты. Лишь в этом случае можно рассчитывать на положительный исход дела, который поможет восстановить справедливость и компенсировать понесенные убытки в связи с потерей времени.

2.2 Особенности доказывания при рассмотрении требований о компенсации за потерю времени

При рассмотрении требований о компенсации за потерю времени важным аспектом является правильное и адекватное доказывание этих требований. Специфика доказывания в данной категории дел обусловлена особой природой предмета доказывания – времени как нематериального ресурса. В отличие от материального ущерба, потерю времени нельзя зафиксировать напрямую, что требует комплексного подхода к формированию доказательственной базы. Суды при рассмотрении подобных требований должны оценивать не только количественные показатели потерянного времени, но и качественные характеристики, включая обоснованность и неизбежность таких потерь.

На стороне истца лежит обязанность предоставить доказательства того, что понесенные расходы и потери времени являются необходимыми для осуществления его прав в судебном разбирательстве. При этом важно понимать, что процесс доказывания в делах о компенсации за потерю времени имеет свою специфику, связанную с необходимостью документального подтверждения фактических временных затрат. Суды уделяют особое внимание достоверности и полноте представленных доказательств, оценивая их в совокупности с другими материалами дела.

Сложности могут возникнуть, если истец не может точно подтвердить факт потери времени, что в свою очередь может стать основанием для отказа в компенсации. Судебная практика показывает, что наиболее эффективным

является комплексный подход к доказыванию, при котором используются различные виды доказательств, взаимно дополняющие друг друга. Особую ценность представляют документы, которые были составлены непосредственно в момент потери времени или сразу после него, поскольку они наиболее достоверно отражают реальные временные затраты.

В процессе доказывания существенное значение имеет установление причинно-следственной связи между действиями ответчика и потерей времени истца. Суды тщательно исследуют представленные доказательства на предмет наличия прямой связи между поведением ответчика и вынужденными временными затратами истца. При этом важно доказать, что потеря времени не была следствием собственных действий истца или результатом влияния иных факторов, не зависящих от ответчика.

Особую сложность представляет процесс монетизации потерянного времени. Судебная практика демонстрирует, что при оценке стоимости потерянного времени суды учитывают различные факторы, включая профессиональный статус истца, его обычный уровень дохода, характер деятельности и конкретные обстоятельства дела. При этом истцу необходимо представить убедительные доказательства, подтверждающие обоснованность заявленной суммы компенсации.

Кроме того, важно, чтобы представленное доказательство было не только допустимым, но и достаточным для обоснования заявленных требований. Судебная практика последних лет демонстрирует тенденцию к более детальному анализу представленных доказательств. Суды все чаще требуют предоставления не только прямых доказательств потери времени, но и документов, подтверждающих альтернативную стоимость этого времени - то есть, какую пользу мог бы извлечь истец, если бы его время не было потрачено впустую.

Одной из проблем, возникающих в судебной практике, является вопрос о разумности заявленных расходов. При оценке разумности временных затрат суды принимают во внимание сложившуюся практику по аналогичным делам,

учитывают специфику конкретной ситуации и объективную необходимость затраченного времени. Важным аспектом является также оценка действий истца с точки зрения добросовестности и разумной осмотрительности - мог ли он предпринять меры для минимизации потерь времени.

Анализ судебной практики показывает: отсутствие достоверной связи между понесенными издержками и рассматриваемым делом служит основанием для отказа в возмещении судебных расходов [18]. Однако суды постепенно отходят от формального подхода к доказательствам, признавая значимость косвенных доказательств там, где прямые недоступны. К таким доказательствам относятся справки об отмененных мероприятиях, расчеты упущенной выгоды, документы о дополнительных затратах на перераспределение рабочих процессов.

Доказывание потери времени требует соблюдения процессуальных стандартов. Суды все активнее принимают электронные доказательства: переписку, системные логи, метаданные, геолокационные данные. Цифровизация делового оборота делает такие доказательства неотъемлемой частью судебного процесса.

Ключевым моментом становится подтверждение реальной ценности потерянного времени для заявителя. Недостаточно констатировать сам факт потери - необходимо показать конкретное воздействие на права и интересы. Это могут быть сорванные сделки, нарушенные договорные обязательства, простой производства.

Важно учитывать: расходы на представителей и иные затраты не компенсируются, если возникли из-за нарушения процедурных требований самим заявителем. Суды оценивают добросовестность поведения сторон. Положительно влияет на исход дела демонстрация попыток досудебного урегулирования и принятых мер по минимизации потерь.

Принципиальное значение имеет неизбежность потери времени. Если существовали реальные возможности избежать или сократить потери, но они не были использованы, суд может отказать в компенсации или существенно

уменьшить ее размер. Поэтому доказательная база должна убедительно показывать вынужденный характер временных потерь.

Успешное взыскание компенсации за потерю времени зависит от качества доказательственной базы, соответствия процессуальным нормам и убедительности аргументации о связи между потерями и действиями ответчика. Суд принимает решения, руководствуясь критериями разумности, обоснованности и причинно-следственной связи.

В контексте доказывания требований о компенсации за потерю времени особую роль играет принцип состязательности сторон. Ответчик имеет право представлять контрдоказательства, опровергающие заявленные истцом временные затраты или их необходимость. Судебная практика показывает, что наиболее эффективными являются доказательства, демонстрирующие необоснованность заявленных временных затрат или наличие альтернативных, менее затратных по времени способов решения возникшей проблемы. При этом важно учитывать, что бремя доказывания неразумности или чрезмерности временных затрат лежит на ответчике, который должен представить убедительные доказательства в подтверждение своей позиции [10].

Значимым аспектом в процессе доказывания является вопрос о распределении бремени доказывания между сторонами. Согласно сложившейся судебной практике, истец должен доказать не только сам факт потери времени, но и его причинную связь с действиями ответчика, а также обоснованность расчета заявленной суммы компенсации. При этом суды придерживаются позиции, что бремя доказывания должно быть справедливо распределено между сторонами, учитывая их реальные возможности по получению и представлению доказательств. Особенно это актуально в ситуациях, когда доступ к определенным доказательствам имеет только одна из сторон процесса [10].

Современная судебная практика демонстрирует тенденцию к расширению круга допустимых доказательств при рассмотрении требований

о компенсации за потерю времени. Суды все чаще принимают во внимание не только традиционные письменные доказательства, но и данные электронных систем учета времени, показания свидетелей, экспертные заключения специалистов по оценке стоимости временных затрат. Важным критерием при оценке таких доказательств является их относимость и допустимость, а также возможность проверки их достоверности. При этом суды учитывают специфику конкретной ситуации и характер спорных правоотношений, что позволяет обеспечить более полное и всестороннее исследование обстоятельств дела.

2.3 Порядок определения размера и взыскания компенсации за потерю времени

Определение размера и процедура взыскания компенсации за потерю времени в гражданском судопроизводстве требуют детального анализа как с правовой, так и с практической точки зрения. Данный механизм призван обеспечить баланс между защитой прав участников процесса и предотвращением злоупотреблений судебными процедурами.

При установлении размера компенсации суд руководствуется принципом соразмерности фактически понесенным убыткам. Определяющими факторами выступают продолжительность неоправданных задержек, характер дела и степень влияния затягивания процесса на права и интересы сторон. Судебная практика показывает, что расчет временных потерь должен основываться на объективных критериях: количестве дополнительных заседаний, необходимости повторного представления доказательств, издержках на юридическое сопровождение.

Законодатель не устанавливает жестких тарифов компенсации, предоставляя судам дискреционные полномочия. Это позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого дела, однако создает определенную правовую неопределенность. Размер возмещения не должен носить штрафной

характер - его цель заключается в компенсации реального ущерба, а не в наказании виновной стороны.

Практические аспекты взыскания компенсации зачастую оказываются более сложными, чем теоретические основы. После вынесения судебного решения о взыскании компенсации возникает необходимость в его исполнении. Здесь ключевую роль играет качество правового обоснования требований и полнота документального подтверждения понесенных убытков.

Исполнительное производство по взысканию компенсации может столкнуться с типичными проблемами принудительного исполнения судебных актов. Должники нередко уклоняются от добровольного исполнения, что требует применения мер принуждения со стороны судебных приставов. Арест имущества, обращение взыскания на доходы должника - эти меры, хотя и предусмотрены законом, на практике требуют значительных временных и финансовых затрат.

Специфика отдельных категорий дел накладывает отпечаток на порядок определения компенсации. В потребительских спорах размер возмещения может быть существенно выше в силу публично-правового характера защищаемых интересов. Трудовые споры предполагают учет социальной значимости своевременного разрешения конфликта для работника.

Судебная практика выявляет системные проблемы института компенсации за потерю времени. Отсутствие единообразных критериев оценки временных потерь приводит к различным подходам в схожих делах. Недостаточная методическая проработка процедуры доказывания размера убытков создает почву для споров между сторонами.

Особую сложность представляет разграничение обоснованных и искусственно завышенных требований о компенсации. Стороны процесса могут злоупотреблять правом на возмещение, пытаясь переложить на оппонента расходы, не связанные напрямую с затягиванием судебного разбирательства. Суды вынуждены проводить тщательную проверку

обоснованности заявленных требований, что дополнительно усложняет и без того непростую процедуру.

Доказательственная база по делам о взыскании компенсации часто оказывается неполной. Стороны не всегда располагают документами, подтверждающими размер понесенных убытков, что вынуждает суд принимать решения на основе косвенных данных и оценочных суждений. В подобных ситуациях особое значение приобретает судебское усмотрение, которое должно опираться на принципы разумности и справедливости.

Таким образом, порядок определения размера и взыскания компенсации за потерю времени является достаточно сложным и многогранным процессом, который требует учета множества факторов, включая фактические данные, специфики дела и правовые нормы. Этот процесс направлен на обеспечение справедливости и компенсацию понесенных убытков, однако требует четкой и прозрачной процедуры, чтобы избежать злоупотреблений и несанкционированных действий со стороны сторон процесса.

По мнению Е.С. Климовича, вопрос определения размера и взыскания компенсации за потерю времени в процессе судебных разбирательств является важным элементом правового регулирования. Автор утверждает, что необходима ясная и объективная методика для расчета компенсации, которая должна учитывать все затраты времени, связанные с защитой прав истца. «Эта компенсация должна учитывать не только фактические затраты времени, но и стрессовые нагрузки, которые истец испытывает в процессе судебного разбирательства» [8, с. 34]. Такой подход способствует более точному и справедливому определению компенсации.

Е.С. Климович подчеркивает важность применения научного подхода к расчетам компенсации, который может учитывать специфику каждого случая, включая профессиональные и возрастные особенности истца. «Нужно использовать коэффициенты, аналогичные тем, что применяются для расчета рабочего стажа в сложных условиях, чтобы объективно оценить последствия для здоровья истца, связанных с его участием в судебном процессе» [8, с. 34].

Это позволяет более точно отражать реальный ущерб, причиненный нарушением прав граждан.

Особенность мнения автора заключается в предложении не только учитывать время, затраченное на различные этапы судебного разбирательства, но и комплексно подходить к оценке нервных и эмоциональных затрат истца. Он предлагает использовать коэффициенты сложности ситуации, которые учитывают психологический стресс истца, его физическое и эмоциональное состояние. «Такой подход позволяет учесть индивидуальные особенности ситуации и более справедливо определить компенсацию за потерю времени» [8, с. 34].

Еще одной важной составляющей подхода Е.С. Климовича является акцент на необходимости учета всех этапов судебного процесса, начиная от досудебных действий и заканчивая исполнением решения через службу судебных приставов. «Полный расчет времени, включая все этапы — от подготовки и подачи иска до окончательного исполнения решения суда, дает более точное представление о затраченном времени и усилиях истца» [8, с. 34]. Это подтверждает важность комплексного подхода к расчету компенсации.

По мнению автора, необходимо точно учитывать как фактические затраты времени, так и сложность и специфику процесса, которые могут варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела. «Для корректного определения компенсации важно, чтобы все затраты времени были правильно документированы и подкреплены соответствующими расчетами» [8, с. 34]. В этом контексте важно подчеркнуть значимость точности и прозрачности в расчетах, что, по мнению Е.С. Климовича, способствует улучшению правовой системы.

Е.С. Климович также акцентирует внимание на том, что при расчете компенсации должны учитываться не только официальные данные о заработной плате или пенсии истца, но и его реальное положение, а также сложности, которые могут возникать в ходе судебного процесса. «Использование средних данных по зарплатам позволяет более точно

учитывать индивидуальные особенности истца и его затрат времени» [8, с. 34]. Это помогает достичь более справедливой компенсации, отражающей действительный ущерб.

Автор предлагает применение коэффициента сложности для оценки специфики ситуации, что позволяет учитывать дополнительные факторы, такие как стресс, нервные перегрузки и другие личные обстоятельства истца. «Коэффициенты сложности могут варьироваться в зависимости от условий, что дает возможность точно отразить тяжесть судебного процесса для истца» [8, с. 34]. Это позволяет сделать расчет более гибким и справедливым.

Е.С. Климович также указывает, что расчет компенсации требует детализированного подхода, где все этапы процесса, включая подготовку документов, посещение судебных заседаний, а также взаимодействие с судебными приставами, должны быть учтены. «Для обеспечения справедливости важно учитывать не только затраты времени, но и связанные с ними дополнительные расходы, такие как транспортные затраты и затраты на консультации» [8, с. 35]. Это подтверждает значимость комплексного подхода.

Исследователь подчеркивает, что методика расчета компенсации должна учитывать все аспекты судебного разбирательства и индивидуальные особенности истца. «Такой подход позволяет обеспечить точность и справедливость при определении размера компенсации за потерю времени» [8, с. 35]. Таким образом, автор выделяет необходимость всестороннего и объективного подхода к расчету компенсации.

По нашему мнению, предложенный автором подход к расчету компенсации за потерю времени в судебном процессе является логичным и справедливым. Он позволяет учесть не только объективные временные затраты, но и субъективные аспекты, которые, как правило, часто остаются незамеченными в традиционных методах расчета. Учет эмоциональных и психологических нагрузок, связанных с участием в судебных разбирательствах, дает возможность более точно оценить все факторы,

влияющие на жизненный процесс истца. Судебные процессы не только забирают время, но и часто сопровождаются стрессом, нервными перегрузками, финансовыми и физическими затратами. Мы считаем, что точно рассчитанная компенсация, которая учитывает все эти моменты, значительно повышает справедливость правового процесса, делая его более человечным и ориентированным на реальное положение истца.

Кроме того, по нашему мнению, согласие с этим подходом подчеркивает важность комплексной оценки ситуации. Компенсация должна быть не просто суммой за потраченное время, а инструментом, который помогает компенсировать все последствия судебного процесса, включая эмоциональные и психологические аспекты. Такой подход способствует не только более справедливому решению споров, но и улучшению общего климата правосудия, делая его более доступным и понятным для граждан. В конечном итоге, мы уверены, что это способствует укреплению доверия общества к правовой системе, где важно не только следовать букве закона, но и учитывать человеческие факторы, влияющие на каждого участника судебного процесса.

В заключение можно сказать, что порядок определения размера и взыскания компенсации за потерю времени является важным элементом гражданского судопроизводства, который требует комплексного подхода и учета множества факторов. Мнение Е.С. Климовича подчеркивает необходимость объективности и детализированности при расчете компенсации, что позволит избежать недооценки или переоценки потерь, понесенных истцом. Этот подход способствует укреплению справедливости судебного процесса, где важна не только юридическая сторона дела, но и учет человеческих факторов, влияющих на участников процесса. Таким образом, тщательное соблюдение всех этих принципов позволит создать правовую систему, в которой каждый гражданин может рассчитывать на справедливое возмещение убытков и защиту своих прав.

Представим выводы по второй главе исследования. На основе проведенного исследования процессуального порядка взыскания компенсации за потерю времени можно сделать вывод, что данный институт требует тщательного соблюдения формальных требований при подаче заявления и строгого следования процессуальным нормам. Заявление о взыскании компенсации должно содержать четкое обоснование причинно-следственной связи между действиями ответчика и потерей времени, а также включать подробное описание всех обстоятельств дела и расчет запрашиваемой суммы компенсации.

Особое значение в процессе взыскания компенсации за потерю времени имеет доказательственная база, которая должна быть комплексной и убедительной. Специфика доказывания в данной категории дел связана с необходимостью подтверждения не только количественных показателей потерянного времени, но и качественных характеристик, включая обоснованность и неизбежность таких потерь. При этом суды уделяют особое внимание достоверности и полноте представленных доказательств, оценивая их в совокупности с другими материалами дела.

Порядок определения размера и взыскания компенсации за потерю времени представляет собой сложный процесс, требующий учета множества факторов, включая фактические данные, специфику дела и правовые нормы. Величина компенсации не является фиксированной, и суд определяет ее размер в зависимости от конкретных условий дела, руководствуясь принципами разумности и соответствия компенсации реальным потерям. При этом важно, чтобы размер компенсации не превращался в чрезмерное бремя для ответчика, особенно если причины задержек или потери времени были незначительными или случайными.

Глава 3 Проблемы правоприменения и пути их решения

3.1 Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики взыскания компенсации за потерю времени

Проблематика правового регулирования и правоприменительной практики взыскания компенсации за потерю времени представляет собой комплексную и многоаспектную область исследования в современном гражданском процессуальном праве. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью обеспечения эффективной защиты прав добросовестных участников судебного процесса и противодействия злоупотреблению процессуальными правами. Институт компенсации за потерю времени, закрепленный в статье 99 ГПК РФ, призван служить действенным механизмом процессуальной ответственности, однако его практическое применение сопряжено с рядом существенных проблем, требующих глубокого теоретического осмысления и законодательного решения.

В современном гражданском процессуальном праве особое внимание уделяется обеспечению справедливости и эффективности судебных процедур. Одним из ключевых аспектов этого является институт компенсации за потерю времени, который призван защитить права добросовестных участников процесса и предотвратить злоупотребление процессуальными правами. Однако, несмотря на свою значимость, данный институт сталкивается с рядом проблем как в правовом регулировании, так и в правоприменительной практике, что требует детального анализа и поиска путей совершенствования.

В рамках исследования проблематики взыскания компенсации за потерю времени в гражданском процессе показательным является следующий пример из судебной практики. Гражданин Сысоев И.А. обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение его конституционных прав статьей 99 ГПК РФ, регламентирующей взыскание компенсации за потерю времени. Заявитель оспаривал конституционность данной нормы

после того, как суды общей юрисдикции отказали в удовлетворении его требования о взыскании компенсации за фактическую потерю времени, а его кассационная жалоба не была передана для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции [11].

По мнению заявителя, статья 99 ГПК РФ не соответствует ряду конституционных норм в той мере, в какой она, согласно сложившейся правоприменительной практике, предоставляет суду возможность произвольно отказывать стороне во взыскании разумной компенсации за фактическую потерю времени даже в случаях, когда противоположная сторона скрывала от суда известные ей значимые для дела обстоятельства, что подтверждено вступившими в законную силу судебными постановлениями.

Конституционный Суд РФ, изучив материалы дела, пришел к выводу об отсутствии оснований для принятия жалобы к рассмотрению, указав, что статья 99 ГПК РФ направлена на пресечение злоупотребления процессуальными правами и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права заявителя. При этом суд подчеркнул, что проверка правильности выводов судов общей юрисдикции о недоказанности оснований для взыскания компенсации в конкретном деле не входит в его компетенцию.

Анализ данного определения позволяет сделать важный для теории и практики вывод о том, что институт компенсации за потерю времени в гражданском процессе имеет двойственную природу: с одной стороны, он выступает как мера ответственности за злоупотребление процессуальными правами, а с другой - как способ возмещения потерь добросовестной стороны. При этом механизм доказывания оснований для взыскания такой компенсации остается одним из проблемных аспектов правоприменения, поскольку требует от заявителя представления убедительных доказательств недобросовестного поведения противоположной стороны и причинно-следственной связи между таким поведением и фактической потерей времени.

Приведенный пример наглядно демонстрирует сложности, с которыми сталкиваются участники судебного процесса при попытке взыскать компенсацию за потерю времени. Отказ судов в удовлетворении требований заявителя, основанный на недостаточности доказательств, подчеркивает необходимость разработки более четких критериев и методик оценки недобросовестного поведения сторон. Это также указывает на потребность в совершенствовании законодательства для обеспечения более эффективной защиты прав добросовестных участников процесса.

Рассмотренный пример также демонстрирует, что вопрос о взыскании компенсации за потерю времени относится к дискреционным полномочиям суда, и отказ в удовлетворении соответствующего требования при недоказанности его оснований не может рассматриваться как нарушение конституционных прав заявителя. Это подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования механизмов правового регулирования данного института и выработки единообразных критериев оценки недобросовестного поведения участников процесса.

Рассмотренная практика Конституционного Суда РФ демонстрирует общие подходы к применению института компенсации за потерю времени в гражданском процессе.

В контексте анализа проблематики взыскания компенсации за потерю времени показательным является гражданское дело, рассмотренное Ессентукским городским судом Ставропольского края. В указанном деле истец обратилась с требованиями к ООО "Жилищно-коммунальное хозяйство" об объединении лицевых счетов двух принадлежащих ей квартир и сторнировании задолженности. Помимо основных требований, истец заявила о взыскании компенсации за фактическую потерю времени при подготовке судебных документов и участии в судебном заседании в размере 2876,59 рублей, рассчитав данную сумму исходя из величины прожиточного минимума [13].

Особенность данного дела заключается в том, что истец, обосновывая требование о компенсации потерянного времени, опиралась на положения статьи 99 ГПК РФ, произведя расчет исходя из установленного в регионе прожиточного минимума в размере 14965 рублей, разделив его на количество рабочих дней в месяце и умножив на фактически затраченные дни. Такой подход к расчету компенсации представляет интерес с точки зрения правоприменительной практики, поскольку демонстрирует попытку формализации оценки стоимости потерянного времени.

Существенным аспектом рассматриваемого дела является позиция суда, который, отказывая в удовлетворении основных требований об объединении лицевого счетов, признал требование о компенсации за потерю времени производным и также отказал в его удовлетворении. Данный подход отражает устоявшуюся судебную практику, согласно которой требование о компенсации за потерю времени рассматривается как акцессорное по отношению к основному требованию.

Использование истцом прожиточного минимума в качестве основы для расчета компенсации за потерю времени является интересной попыткой формализации оценки временных затрат. Однако отсутствие законодательно закрепленной методики расчета создает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение данного института. Это подчеркивает необходимость разработки и внедрения четких критериев для определения размера компенсации, что способствовало бы повышению предсказуемости судебных решений и защите прав участников процесса.

Анализ данного судебного акта позволяет выявить существенный пробел в правовом регулировании института компенсации за потерю времени - отсутствие четких критериев определения размера такой компенсации. Использование истцом показателя прожиточного минимума как базы для расчета представляется логичным, однако отсутствие законодательного закрепления методики расчета создает правовую неопределенность.

Научно-практическая значимость рассмотренного примера заключается в том, что он наглядно демонстрирует необходимость совершенствования правового регулирования института компенсации за потерю времени, в частности, разработки и законодательного закрепления единообразной методики расчета размера такой компенсации. Это позволило бы повысить эффективность данного правового института и обеспечить более полную защиту прав участников гражданского процесса.

Кроме того, данное дело указывает на необходимость переосмысления подхода к рассмотрению требования о компенсации за потерю времени исключительно как производного от основного требования. Представляется, что затраты времени на подготовку процессуальных документов и участие в судебном разбирательстве могут подлежать компенсации независимо от результата рассмотрения основного требования, если действия стороны не носили явно недобросовестный характер.

В рамках изучения проблематики правового регулирования и практики применения норм о взыскании компенсации за потерю времени особый интерес представляет гражданское дело, рассмотренное Первомайским районным судом г. Омска. В этом деле ООО «Амора+» обратилось с иском к ФИО1, требуя возмещения ущерба в размере 59 490,50 рублей, который, по мнению истца, был причинен виновным бездействием ответчика в процессе выполнения обязанностей по сохранению товарно-материальных ценностей. В ответ ФИО1 выдвинула требование о взыскании с истца компенсации за потерю времени в размере 10 000 рублей, утверждая, что ООО «Амора+» умышленно затягивало судебный процесс, злоупотребляло процессуальными правами и подало необоснованный иск, что привело к временным и финансовым потерям ответчика [14].

Суть дела заключается в том, что ФИО1 обосновывала свое требование о компенсации положениями статьи 99 ГПК РФ, указывая на процессуальные нарушения со стороны истца, такие как непредоставление необходимых документов и неоднократные ходатайства об отложении заседаний. Она также

утверждала, что иск был изначально необоснованным, так как ее вина в причинении ущерба не доказана. Суд, однако, отказал в удовлетворении обоих требований: иска ООО «Амора+» — из-за недостаточности доказательств вины ФИО1, и встречного требования ответчика — по причине отсутствия подтверждений недобросовестности истца и конкретных убытков, понесенных ФИО1.

Ключевым моментом судебного решения стало толкование судом статьи 99 ГПК РФ. Суд указал, что обращение ООО «Амора+» в суд являлось реализацией права на судебную защиту, закрепленного в статье 46 Конституции РФ, и отказ в иске не делает такое обращение автоматически недобросовестным. Кроме того, ФИО1 не смогла представить убедительных доказательств того, что действия истца привели к ее финансовым потерям, например, в виде утраченной заработной платы. Это подчеркивает строгую позицию суда, требующую четких доказательств как недобросовестности процессуального поведения, так и реального ущерба от потери времени.

Изучение данного дела выявляет проблемы правового регулирования института компенсации за потерю времени. Отсутствие в законодательстве четких критериев для определения недобросовестности действий стороны приводит к субъективности в оценке судами подобных ситуаций. Кроме того, необходимость доказывания прямых финансовых потерь ограничивает возможности применения статьи 99 ГПК РФ, особенно в случаях, когда такие потери сложно измерить или подтвердить документально. В данном деле суд фактически исключил компенсацию, не усмотрев явного злоупотребления со стороны истца, что демонстрирует узкое применение указанной нормы.

Научно-практическая ценность этого примера состоит в том, что он иллюстрирует недостатки существующего правового механизма компенсации за потерю времени. Отсутствие нормативно закрепленных подходов к оценке процессуального поведения сторон и определению размера компенсации снижает эффективность данного института, призванного защищать права участников процесса от недобросовестных действий. Разработка четких

стандартов оценки и упрощение процедуры доказывания могли бы повысить доступность этой меры и укрепить доверие к судебной системе.

В заключение, анализ дела позволяет сделать вывод о том, что текущее состояние правового регулирования компенсации за потерю времени не в полной мере обеспечивает защиту интересов добросовестных участников процесса. Строгость требований к доказыванию недобросовестности и убытков фактически ослабляет роль статьи 99 ГПК РФ как инструмента противодействия процессуальным злоупотреблениям. Для решения этих проблем целесообразно предложить законодательные изменения, направленные на уточнение условий применения данной нормы и введение более гибких подходов к расчету компенсации, что способствовало бы достижению справедливости и повышению эффективности гражданского судопроизводства.

Интересным примером в контексте исследования института компенсации за потерю времени является дело по заявлению индивидуального предпринимателя О.К. Чурюмова о взыскании судебных расходов в размере 544 008 рублей и 212 долларов 50 центов США, включая требование о взыскании 197 966 рублей компенсации за потерянное время. Заявитель обосновывал данное требование тем, что ответчик недобросовестно заявил необоснованный спор относительно иска путем подачи заведомо необоснованной кассационной жалобы и систематически противодействовал правильному и своевременному рассмотрению дела, отказываясь от выплаты денежных средств по исполнительному листу [12].

Суд указал, что для удовлетворения требования о компенсации за фактическую потерю времени необходимо представить доказательства, которые свидетельствовали бы о недобросовестности ответчика в заявлении спора против иска либо о его систематическом противодействии правильному и быстрому рассмотрению дела.

Особого внимания заслуживает вывод суда о том, что подача кассационной жалобы, являясь законным правом лица, участвующего в деле,

не может сама по себе свидетельствовать о недобросовестном поведении. При этом суд подчеркнул, что для взыскания компенсации за потерю времени необходимо, чтобы факт недобросовестности или злоупотребления процессуальными правами был установлен судебным актом, чего в рассматриваемом деле не было сделано.

Анализ данного судебного акта позволяет сделать важный теоретический вывод о том, что применение по аналогии статьи 99 ГПК РФ в арбитражном процессе возможно, но требует строгого доказывания как факта недобросовестности процессуального поведения противоположной стороны, так и наличия реальных потерь, связанных с таким поведением.

При этом суды придерживаются позиции, согласно которой реализация процессуальных прав, даже если она приводит к затягиванию процесса, сама по себе не может рассматриваться как основание для взыскания компенсации за потерю времени.

Представляется целесообразным учесть опыт применения статьи 99 ГПК РФ и сложившиеся в судебной практике подходы к оценке добросовестности процессуального поведения сторон.

Анализ судебной практики целесообразно дополнить рассмотрением теоретических подходов к проблеме правового регулирования компенсации за потерю времени. С точки зрения Е.Ф. Евсеева, ключевой проблемой правового регулирования компенсации за потерю времени является недостаточная разработанность применения статьи 99 ГПК РФ как в судебной практике, так и в доктрине права. Автор подчеркивает, что нынешнее состояние судебной практики применения данной нормы является плачевным из-за ее незначительного объема и недостаточной разработанности подходов.

Е.Ф. Евсеев обращает особое внимание на то, что «на основании сложившейся судебной практики применения данной нормы мы можем сделать вывод о том, что в подавляющем большинстве случаев суды во взыскании компенсации за фактическую потерю времени отказывают, случаи обратного единичны» [6].

По мнению Е.Ф. Евсеева, существенной проблемой является то, что суды требуют от претендующей на компенсацию стороны доказательств наличия у другой стороны спора исключительно прямого умысла на злоупотребление процессуальными правами.

Автор считает, что «такое распределение бремени доказывания парализовало действие ст. 99 ГПК РФ и привело к формированию «отказной» судебной практики ее применения» [6].

Исследователь предлагает использовать формулу добросовестного заблуждения при оценке вины стороны, отмечая, что «неосведомленность стороны о необоснованности иска или спора в случае, когда она должна знать об их необоснованности, также является основанием для взыскания компенсации» [6].

Важным аспектом исследования является позиция автора относительно определения размера компенсации. Е.Ф. Евсеев утверждает, что «компенсация должна взыскиваться теперь за любые временные потери сторон безотносительно к их характеру, ввиду чего взыскание компенсации не исключается даже при отсутствии у стороны конкретных убытков» [6].

Особое внимание Е.Ф. Евсеев уделяет вопросу взыскания компенсации в пользу юридических лиц, подчеркивая, что временные потери организации реальны и измеримы через временные потери конкретных физических лиц, представляющих ее интересы.

Автор выражает обеспокоенность тем, что «если в отсутствие надлежаще функционирующего правового механизма противодействия процессуальным злоупотреблениям число подобных нарушений не будет существенно возрастать, то и тенденции к его уменьшению точно уж не появится» [6].

Е.Ф. Евсеев заключает, что надлежащее применение ст. 99 ГПК РФ будет способствовать развитию профессионального судебного представительства и повышению уровня судебной культуры.

По нашему мнению, научная позиция Е.Ф. Евсеева является глубоко обоснованной и заслуживает поддержки научного сообщества. Особенно ценным представляется предложенный автором подход к использованию формулы добросовестного заблуждения при оценке действий сторон, что позволит преодолеть сложившуюся практику необходимости доказывания прямого умысла. Заслуживает внимания и поддержки позиция автора о возможности взыскания компенсации без обязательной привязки к конкретным убыткам, что существенно расширяет сферу применения данного института. Предложенные Е.Ф. Евсеевым механизмы совершенствования правового регулирования компенсации за фактическую потерю времени могут стать эффективным инструментом противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Соглашаясь с автором, считаем, что реализация его предложений будет способствовать повышению качества правосудия, развитию профессионального судебного представительства и формированию более высокой правовой культуры участников судебного процесса. Особенно важно, что предложенные автором подходы направлены на обеспечение баланса интересов всех участников судебного разбирательства и соответствуют принципам справедливости и разумности.

В дополнение к рассмотренным проблемам компенсации за потерю времени важно обратиться к смежному институту компенсации за нарушение разумных сроков исполнения судебных актов.

С точки зрения Г.В. Шкобенева, ключевой проблемой правового регулирования компенсации за нарушение разумных сроков исполнения судебных актов является недостаточность нормативно-правового регулирования ответственности за нарушение сроков исполнения решений суда.

Автор подчеркивает важность международно-правового регулирования данного вопроса, отмечая, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации

включены в правовую систему России» [21, с. 12]. Особое внимание уделяется статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

По мнению Г.В. Шкобенева, принятие Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ стало важным шагом в обеспечении реализации прав личности в сфере судебной защиты.

Автор приводит позицию В.Ф. Яковлева: «Закон о разумных сроках соответствует практике Европейского суда по правам человека и должен обеспечить эффективное реагирование нашей национальной судебной системы» [21, с. 12].

Исследователь акцентирует внимание на дискуссионном вопросе о возможности учета всего периода судебного разбирательства при определении размера компенсации. Г.В. Шкобенева придерживается позиции, согласно которой исполнение решения является неотъемлемой частью судебного процесса.

Важным аспектом исследования является анализ практики Европейского суда по правам человека. Автор подчеркивает, что «исполнение судебного решения, вынесенного судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть судебного процесса в смысле ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод» [21, с. 12].

Г.В. Шкобенева обращает внимание на позицию высших судебных органов РФ, в частности, приводя мнение А.А. Иванова: «результат деятельности судебной власти должен всегда представлять собой реальное исполнение судебного акта - это часть целостного процесса» [21, с. 12].

Особенностью авторского подхода является предложение учитывать весь срок судебного разбирательства при определении размера компенсации за нарушение права на исполнение судебного постановления в разумный срок, включая период до вынесения решения.

В заключение автор подчеркивает, что такой подход возможен только при отсутствии предшествующих компенсаций за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

По нашему мнению, позиция Г.В. Шкобенева заслуживает поддержки, поскольку предложенный подход способствует более эффективной защите прав граждан и соответствует международной практике. Комплексное рассмотрение всего периода судебного разбирательства как единого процесса позволяет более справедливо определять размер компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Проведенный анализ правового регулирования и правоприменительной практики взыскания компенсации за потерю времени позволяет выявить ряд существенных проблем теоретического и практического характера. Прежде всего, обращает на себя внимание отсутствие единообразного подхода к применению данного института в гражданском и арбитражном процессе, что создает правовую неопределенность и затрудняет защиту прав добросовестных участников судебного разбирательства.

Существенной проблемой является также сложившаяся практика доказывания оснований для взыскания компенсации, требующая от заявителя представления доказательств прямого умысла противоположной стороны на злоупотребление процессуальными правами.

Такой подход существенно ограничивает возможности применения статьи 99 ГПК РФ и снижает эффективность данного института как меры процессуальной ответственности.

При этом отсутствие четких критериев определения размера компенсации и механизма ее расчета создает дополнительные затруднения в правоприменительной практике.

3.2 Пути совершенствования института компенсации за потерю времени в гражданском процессе

Институт компенсации за потерю времени в гражданском процессе является важным инструментом противодействия недобросовестному поведению участников судопроизводства. Однако в настоящее время данный

институт характеризуется недостаточной эффективностью и требует существенного совершенствования как на законодательном уровне, так и в правоприменительной практике. Анализ текущего состояния и перспектив развития института компенсации за потерю времени позволяет выявить ключевые направления его модернизации и предложить конкретные меры по повышению его результативности. На наш взгляд, совершенствование института компенсации за потерю времени в гражданском процессе требует комплексного подхода, учитывающего как теоретические разработки, так и сложившуюся правоприменительную практику.

С нашей точки зрения, ключевым направлением совершенствования рассматриваемого института должно стать изменение подхода к доказыванию оснований для взыскания компенсации. Представляется целесообразным законодательно закрепить презумпцию недобросовестности процессуального поведения в случаях явной необоснованности заявленных требований или систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению дела. При этом бремя доказывания добросовестности своих действий должно возлагаться на сторону, против которой заявлено требование о взыскании компенсации.

В целях преодоления сложившейся «отказной» судебной практики считаем необходимым установить в законе четкие критерии оценки добросовестности процессуального поведения сторон. В частности, предлагается закрепить неисчерпывающий перечень действий, которые могут рассматриваться как недобросовестное поведение, включая заведомо необоснованное оспаривание очевидных фактов, систематическое заявление необоснованных ходатайств, уклонение от получения судебных извещений и иные действия, направленные на затягивание процесса.

Особого внимания заслуживает проблема определения размера компенсации за потерю времени. По нашему мнению, необходимо разработать и законодательно закрепить методику расчета размера компенсации, учитывающую как объективные факторы (продолжительность судебного

разбирательства, количество судебных заседаний, затраты времени на подготовку процессуальных документов), так и субъективные характеристики недобросовестного поведения стороны. При этом предлагается установить минимальный размер компенсации, привязанный к величине прожиточного минимума.

Существенным элементом совершенствования института компенсации за потерю времени должно стать решение вопроса о возможности ее взыскания в пользу юридических лиц. С нашей точки зрения, необходимо законодательно закрепить право юридических лиц на получение такой компенсации с учетом временных затрат их представителей и сотрудников, вовлеченных в судебный процесс. При этом размер компенсации может определяться исходя из среднего размера оплаты труда соответствующих специалистов.

Важным направлением совершенствования рассматриваемого института видится создание эффективного механизма противодействия процессуальным злоупотреблениям. Предлагается предусмотреть возможность увеличения размера компенсации в случаях систематического недобросовестного поведения стороны или при наличии в ее действиях признаков злоупотребления правом в иных формах. Кроме того, целесообразно установить правило об индексации размера компенсации с учетом длительности судебного разбирательства.

В целях обеспечения единообразия судебной практики считаем необходимым закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъяснения по вопросам применения норм о компенсации за потерю времени. В частности, следует детально разъяснить вопросы распределения бремени доказывания, критерии оценки добросовестности процессуального поведения, порядок определения размера компенсации и особенности ее взыскания в пользу различных категорий участников процесса.

Наконец, для повышения эффективности института компенсации за потерю времени предлагается установить упрощенный порядок рассмотрения

соответствующих требований, предусмотрев возможность их разрешения без проведения судебного заседания в случаях, когда недобросовестность процессуального поведения стороны очевидна и подтверждается материалами дела. Такой подход позволит сократить временные затраты на рассмотрение требований о компенсации и повысить оперативность защиты прав добросовестных участников процесса.

Реализация предложенных мер позволит, на наш взгляд, существенно повысить эффективность института компенсации за потерю времени как инструмента процессуальной ответственности и создать дополнительные гарантии защиты прав добросовестных участников судебного процесса. При этом важно подчеркнуть, что совершенствование данного института должно осуществляться комплексно, с учетом взаимосвязи всех выявленных проблем и необходимости обеспечения баланса интересов всех участников судопроизводства.

Отдельного внимания заслуживает вопрос изменения подхода к оценке умысла недобросовестной стороны. Сложившаяся практика, требующая доказательства прямого умысла на злоупотребление процессуальными правами, существенно ограничивает применение института компенсации за потерю времени. Представляется, что более эффективным было бы использование концепции добросовестного заблуждения, согласно которой ответственность должна наступать и в случаях, когда сторона должна была осознавать необоснованность своих требований или возражений, но не приняла разумных мер для их проверки.

Также важно отметить необходимость сближения подходов к применению института компенсации за потерю времени в гражданском и арбитражном процессе. Сложившаяся ситуация, когда арбитражные суды используют данный институт по аналогии, но с существенными ограничениями, создает неоправданную дифференциацию правовой защиты участников процесса в зависимости от характера спора. Унификация правового регулирования в этой сфере позволила бы создать единые

стандарты процессуальной ответственности и повысить эффективность противодействия недобросовестному поведению в судебном процессе.

Рассмотрев основные направления совершенствования института компенсации за потерю времени, целесообразно обратиться к научным исследованиям в данной области. Особый интерес представляет позиция Е.Г. Потапенко, который провел глубокий анализ проблем применения данного института на практике. В своем научном исследовании Е.Г. Потапенко обращает внимание на недостаточное развитие института компенсации за потерю времени в гражданском процессе. По его мнению, данный процессуально-правовой комплекс, закрепленный в статье 99 ГПК РФ, является неразвитым и малоэффективным.

Автор подчеркивает, что суды, как правило, отказывают в удовлетворении заявлений о взыскании такой компенсации, ссылаясь на то, что заявители не обосновывают наличие соответствующих оснований для ее взыскания. «Данная мера противодействия недобросовестным действиям сторон фактически не применяется» [13, с. 105].

С точки зрения Е.Г. Потапенко, существенной проблемой является то, что суды занимают крайне осторожную позицию при рассмотрении вопроса о взыскании компенсации. «Суды указывают на то, что само по себе предъявление иска, так же как и реализация прав стороной (заявление встречного иска, отказ от иска, предъявление доказательств и т.д.), не свидетельствует о наличии оснований для взыскания компенсации за потерю времени» [13, с. 105].

Исследователь отмечает, что основания для взыскания компенсации имеют оценочный характер, что существенно затрудняет применение данного института на практике. В связи с этим автор предлагает развивать данный процессуально-правовой комплекс путем создания соответствующих правоположений в судебной практике.

По мнению Е.Г. Потапенко, необходимо обобщение судебной практики высшим судом и формирование четких правоинтерпретационных положений.

Автор критически оценивает существующие разъяснения, отмечая, что «на сегодняшний день имеется разъяснение данной нормы в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года, в котором высший суд просто пересказал содержание нормы» [13, с. 105]. Исследователь подчеркивает необходимость создания более детальной системы критериев для определения оснований взыскания компенсации за потерю времени, которые должны быть закреплены в правоинтерпретационных актах высшего суда. Заслуживает внимания предложение автора о необходимости развития данного института через формирование устойчивой судебной практики и последующее нормативное закрепление выработанных подходов.

По нашему мнению, позиция Е.Г. Потапенко является обоснованной. Действительно, институт компенсации за потерю времени в его текущем состоянии не выполняет своей функции противодействия недобросовестному поведению участников процесса. Необходимо не только совершенствование судебной практики в этой сфере, но и более детальное законодательное регулирование оснований и порядка взыскания такой компенсации.

Дополняя и развивая представленные выше научные взгляды на проблему совершенствования института компенсации за потерю времени, заслуживает внимания позиция Н.А. Бортниковой, которая предлагает иной подход к модернизации данного процессуально-правового института. С точки зрения Н.А. Бортниковой, институт компенсации за потерю времени в гражданском процессе нуждается в совершенствовании, поскольку в настоящее время его применение существенно ограничено. Автор отмечает, что данный институт является одной из мер ответственности в гражданском судопроизводстве, однако среди специалистов нет единого мнения о его правовой природе.

По мнению Н.А. Бортниковой, особую значимость имеет историческое толкование нормы статьи 99 ГПК РФ, которое «приводит к выводу, что компенсация может быть взыскана в настоящее время только с

недобросовестной проигравшей стороны» [3]. При этом автор подчеркивает, что получателем такой компенсации может быть только выигравшее дело физическое лицо. Важным аспектом исследования является анализ позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой «положения статьи 99 ГПК РФ направлены на предупреждение злоупотребления лицами, участвующими в деле, своими процессуальными правами и тем самым - на защиту прав добросовестных участников процесса» [3]. Исследователь обращает особое внимание на то, что в арбитражном и административном судопроизводстве отсутствует аналогичная норма о компенсации за потерю времени. Поскольку данная норма устанавливает меру ответственности, она не может применяться по аналогии в других видах судопроизводства. Автор подчеркивает, что «в настоящее время меняется характер взаимоотношений между судом и сторонами, он ориентирует на партнерство в разрешении спора, развитие примирительных процедур, что требует повышения доверия» [3].

С точки зрения Н.А. Бортниковой, нельзя оставлять без внимания такие явления как сутяжничество, заявление неосновательных исков и другие злоупотребления процессуальными правами. В качестве решения автор предлагает развивать институт распределения убытков, включая нормы о компенсации за фактическую потерю времени.

Исследователь делает акцент на необходимости более четкого законодательного регулирования оснований и порядка взыскания компенсации за потерю времени, что позволит эффективнее противодействовать недобросовестному поведению участников процесса.

Особую ценность представляет вывод автора о том, что совершенствование института компенсации за потерю времени должно осуществляться в контексте общего развития мер процессуальной ответственности и укрепления доверительных отношений между судом и участниками процесса.

По нашему мнению, позиция Н.А. Бортниковой заслуживает поддержки, поскольку предложенные ею пути совершенствования института компенсации

за потерю времени способствуют повышению эффективности гражданского судопроизводства и противодействию процессуальным злоупотреблениям. Особенно важным представляется предложение о необходимости более детального законодательного регулирования данного института.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что совершенствование института компенсации за потерю времени в гражданском процессе требует комплексного подхода, включающего как законодательные изменения, так и развитие правоприменительной практики. Ключевыми направлениями модернизации должны стать: установление четких критериев оценки недобросовестного поведения, разработка методики расчета размера компенсации, создание эффективного механизма доказывания оснований для взыскания компенсации и обеспечение единообразия судебной практики через разъяснения высших судебных инстанций.

Реализация предложенных мер позволит трансформировать институт компенсации за потерю времени из формального механизма в действенный инструмент процессуальной ответственности. При этом особое значение имеет необходимость соблюдения баланса между обеспечением эффективной защиты прав добросовестных участников процесса и предотвращением необоснованного ограничения процессуальных прав сторон. Только такой взвешенный подход может гарантировать успешное развитие данного института и его позитивное влияние на качество отправления правосудия в целом.

Представим выводы по третьей главе исследования. В результате проведенного исследования проблем правоприменения и путей совершенствования института компенсации за потерю времени был выявлен ряд существенных недостатков в его правовом регулировании и практической реализации. Ключевыми проблемами являются: отсутствие единообразного подхода к применению данного института в гражданском и арбитражном процессе; сложившаяся практика доказывания, требующая от заявителя представления доказательств прямого умысла противоположной стороны на

злоупотребление процессуальными правами; отсутствие четких критериев определения размера компенсации и механизма ее расчета; пробел в арбитражном процессуальном законодательстве, не содержащем норм, аналогичных статье 99 ГПК РФ. Анализ судебной практики и научных исследований показал, что суды занимают крайне осторожную позицию при рассмотрении вопроса о взыскании компенсации, что приводит к формированию «отказной» практики применения соответствующих норм.

В качестве основных направлений совершенствования института компенсации за потерю времени предлагается: законодательно закрепить презумпцию недобросовестности процессуального поведения в определенных случаях; установить четкие критерии оценки добросовестности процессуального поведения сторон; разработать и закрепить методику расчета размера компенсации; решить вопрос о возможности взыскания компенсации в пользу юридических лиц; создать эффективный механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям; обеспечить единообразие судебной практики через разъяснения высших судебных инстанций; установить упрощенный порядок рассмотрения соответствующих требований в очевидных случаях. Реализация предложенных мер позволит трансформировать институт компенсации за потерю времени из формального механизма в действенный инструмент процессуальной ответственности и обеспечить эффективную защиту прав добросовестных участников судебного процесса.

Заключение

В результате исследования установлено, что институт компенсации за потерю времени в гражданском процессуальном праве России имеет двойственную правовую природу, совмещая функции судебных расходов и меры ответственности. Такая двойственность, наряду с неопределенностью законодательного регулирования и отсутствием единообразной судебной практики, существенно снижает эффективность данного института как инструмента противодействия процессуальным злоупотреблениям.

Анализ условий и оснований взыскания компенсации за потерю времени показал необходимость законодательного закрепления четких критериев систематичности злоупотреблений, методики расчета размера компенсации и порядка фиксации недобросовестного поведения. Существующая правовая неопределенность в вопросах доказывания недобросовестности и установления размера компенсации приводит к редкому применению данной нормы на практике, несмотря на ее потенциальную значимость для обеспечения процессуальной дисциплины.

Исследование субъектного состава правоотношений при взыскании компенсации за потерю времени выявило необходимость расширительного толкования круга субъектов с включением в него третьих лиц, а также целесообразность наделения суда правом инициировать вопрос о взыскании компенсации. Установлено, что эффективное функционирование данного института требует комплексного совершенствования правового регулирования статуса всех участников процесса, включая разработку четких критериев определения недобросовестности поведения и создание действенного механизма процессуального взаимодействия.

На основе проведенного исследования процессуального порядка взыскания компенсации за потерю времени можно сделать вывод, что данный институт требует тщательного соблюдения формальных требований при подаче заявления и строгого следования процессуальным нормам. Заявление

о взыскании компенсации должно содержать четкое обоснование причинно-следственной связи между действиями ответчика и потерей времени, а также включать подробное описание всех обстоятельств дела и расчет запрашиваемой суммы компенсации.

Особое значение в процессе взыскания компенсации за потерю времени имеет доказательственная база, которая должна быть комплексной и убедительной. Специфика доказывания в данной категории дел связана с необходимостью подтверждения не только количественных показателей потерянного времени, но и качественных характеристик, включая обоснованность и неизбежность таких потерь. При этом суды уделяют особое внимание достоверности и полноте представленных доказательств, оценивая их в совокупности с другими материалами дела.

Порядок определения размера и взыскания компенсации за потерю времени представляет собой сложный процесс, требующий учета множества факторов, включая фактические данные, специфику дела и правовые нормы. Величина компенсации не является фиксированной, и суд определяет ее размер в зависимости от конкретных условий дела, руководствуясь принципами разумности и соответствия компенсации реальным потерям. При этом важно, чтобы размер компенсации не превращался в чрезмерное бремя для ответчика, особенно если причины задержек или потери времени были незначительными или случайными.

В результате проведенного исследования проблем правоприменения и путей совершенствования института компенсации за потерю времени был выявлен ряд существенных недостатков в его правовом регулировании и практической реализации. Ключевыми проблемами являются: отсутствие единообразного подхода к применению данного института в гражданском и арбитражном процессе; сложившаяся практика доказывания, требующая от заявителя представления доказательств прямого умысла противоположной стороны на злоупотребление процессуальными правами; отсутствие четких критериев определения размера компенсации и механизма ее расчета; пробел

в арбитражном процессуальном законодательстве, не содержащем норм, аналогичных статье 99 ГПК РФ. Анализ судебной практики и научных исследований показал, что суды занимают крайне осторожную позицию при рассмотрении вопроса о взыскании компенсации, что приводит к формированию «отказной» практики применения соответствующих норм.

В качестве основных направлений совершенствования института компенсации за потерю времени предлагается: законодательно закрепить презумпцию недобросовестности процессуального поведения в определенных случаях; установить четкие критерии оценки добросовестности процессуального поведения сторон; разработать и закрепить методику расчета размера компенсации; решить вопрос о возможности взыскания компенсации в пользу юридических лиц; создать эффективный механизм противодействия процессуальным злоупотреблениям; обеспечить единообразие судебной практики через разъяснения высших судебных инстанций; установить упрощенный порядок рассмотрения соответствующих требований в очевидных случаях. Реализация предложенных мер позволит трансформировать институт компенсации за потерю времени из формального механизма в действенный инструмент процессуальной ответственности и обеспечить эффективную защиту прав добросовестных участников судебного процесса.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Батурина Н.А. Некоторые причины неэффективности нормы процессуального закона о взыскании компенсации за фактическую потерю времени // Российский судья. 2022. № 6. С. 9 - 14.
2. Борисенко Ю. С. Проблемы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве и основные направления их устранения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №2 С.91-96.
3. Бортникова Н.А. Ответственность за введение суда в заблуждение, 2024 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Бортникова Н.А. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве. 2021 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Евсеев Е.Ф. Некоторые вопросы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском процессе // Адвокат. 2013. № 12.
7. Зайков Д.Е. Институт компенсации за фактическую потерю времени: некоторые проблемные вопросы правоприменения // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 50 - 61.
8. Климович Е. С. Подход к определению размеров денежной компенсации за потерю времени при рассмотрении судебных дел // Бухгалтер и закон. 2018. №8. С. 32-35.
9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
10. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 1641-О // СПС «КонсультантПлюс».

12. Определение Суда по интеллектуальным правам от 11.11.2016 № С01-82/2016 по делу № СИП-231/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Потапенко Е.Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 70 - 108.

14. Решение № 2-1672/2024 2-1672/2024 М-1280/2024 от 9 июля 2024 г. по делу № 2-1672/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Решение № 2-1920/2024 2-1920/2024 М-1292/2024 от 13 июня 2024 г. по делу № 2-1920/2024// СПС «КонсультантПлюс».

16. Симонов И.Д. Правовое положение субъектов по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Вестник ВУиТ. 2015. №2 (82). С.159-164.

17. Скопинова М.В. «Настольная книга ответчика в суде. Пошаговое руководство с образцами документов, 2018 // СПС «Консультант Плюс».

18. Статья: Спор о возмещении судебных расходов в гражданском процессе (на основании судебной практики Московского городского суда), 2024 // СПС «Консультант Плюс».

19. Хамизова Е. М. Взыскание компенсации за потерю времени по гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2010. №2-1. С.28-36.

20. Шанькин Д.А. Компенсация за фактическую потерю времени // Вестник БГУ. 2013. №2. С. 173-176.

21. Шкобенева Г.В. Компенсация за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок: вопросы правоприменительной практики // Исполнительное право. 2014. № 2. С. 11 - 13.

22. Яковенко Е.В. Компенсация за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве: правовая природа и проблемы

правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С.
18 - 22.